

И ЖУРНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. ГОРЬКОГО.

Среди затерявшихся в провинциальных газетах фельетонов у М. Горького имеется интересный «набросок» — под заглавием «Встреча» («Ниж. Листок» 1896 г. № 321). На постоялом дворе пожилой журналист-писатель, с именем и положением, оглядывая оклепную газетными коммату, случайно наткнулся на свой фельетон, помещенный в одной из радикальных газет 60-х годов. В этом «наивном», «детском» фельетоне высказывалась горячая «вера в возможность на земле всего хорошего». Он сразу живо представил свою молодость и то яркое время, время великих надежд и ошибок, время пылких мечтаний и бодрости. Но тотчас же контрастом встала перед его глазами — современность: «туманно и серо, храмы пусты, боги забыты... И вся жизнь, по крайней мере... мелочна и бедна». Правда, за этот промежуток журналист добился славы и хорошего материального положения. Кажется, надо бы быть довольным. Но и тут забытый фельетон пробудил тревожный вопрос: «Но достигнуто ли равновесие души, сознание честно выполненных задач жизни, гордость собой?» Охваченный дорогими воспоминаниями, он захотел увести с собой забытый фельетон. Попихоньку срывает его со стены и берет с собой. Сидя в кибитке, снова перечел своего первенца, а затем... стал отрывать кусочки газеты и бросать их на ветер. Так печально закончилась встреча пожилого журналиста со своей молодостью. Облетели цветы... догорели огни....

Таким же похоронным напевом заканчивает свою деятельность и журналист Ежов в повести Горького «Фома Гордеев». В лице Ежова изображен тип провинциального газетного работника, эдакого фельетониста, но озлобленного на жизнь. Тип вышел не совсем законченный, но в основном схвачен верно. В уста Ежова Горький вложил не мало своих мыслей того времени: и «жизнь тесна, а я широк», и недовольство расхлябанной интеллигенцией и самодовольным мецанством; и желание — сильных страстей. Но, в противоположность Горькому, Ежов тяготеет жизнью, обижен ею, чувствует себя лишним на земле. Горький яркими штрихами описывает непривлекательные условия тогдашнего газетного работника: «Он пил, этот маленький, ошаренный жизнью человек. Его день начинался так: утром за чаем он просматривал местные газеты и почерпал в них из репортерских заметок материал для своего фельетона, который и сочинял тут же, на углу стола. Затем бежал в редакцию и там резал иногородние газеты, составляя из вырезок «Провинциальные картинки». В пятницу он должен был писать воскресный фельетон. За все это ему платили 125 руб. в месяц; работал он быстро и все свободное время посвящал «обзору и изучению богоугодных заведений». При этом маленькую деталь отмечает автор в фельетонах Ежова. Правда, это передается через призму Фомы, но от этого еще больше вытравывает сделанное замечание: «Не улавливая мысли в творениях товарища, Фома чувствовал их дерзкую смелость, ядовитую насмешку, горячую злобу»... Оказывается, — всего было достаточно в фельетонах Ежова, чтобы волновать читателей, но не хватало одно — мысли, стойких взглядов и убеждений. А это в глазах Горького — журналиста очень важная и существенная черта, которую он не раз потом высказывал.

На эту тему у него имеется тоже затерявшийся интересный фельетон «Как меня отбрили» («Ниж. Листок» 1896 г. № 262). Изображен писатель, который пришел в парикмахерскую

бриться. И вот во время бритья парикмахер на его вопрос, читает ли он его произведения, ответил, что не читает и не станет читать, так как они не интересны: «не выдумайте из головы». Парикмахер, оказывается, был большой любитель чтения таких произведений, от которых можно отдыхать душой, мечтать, очищать с сердца пыль. «А вы, говорил парикмахер, разве можете оторвать человека от жизни и вознести к мечтам? Нет-с, вы не тем порошком заряжены, вам еще

1906 год. — Финляндия.

много нужно учиться писать для того, чтобы приносить собой людям удовольствие и отраду». Самоуверенности писателя был нанесен сильный удар: «Но я пришел домой уже не тем, чем вышел из дома. Мне кажется, что мне обрили сердце».

Все эти три образа красноречиво говорят о том, что Горький очень внимательно присматривался к журнальной деятельности, много думал о роли и значении печатного слова, а в связи с этим — предъявлял высокие и строгие требования как к журналисту, так и писателю. Устами маленького человека из рассказа «Читатель» (1898 г.) являющегося развитием идей фельетона «Как меня отбрили», он властно требовал от писателя одного: «Непавидь меня, бей, но извлекай из тины моего равнодушия к жизни! Я хочу быть лучшим, чем есть; — как это сделать? Учи!».. Вот эту высокую миссию учительства, в лучшем смысле этого слова, и возлагает Горький на плечи журналиста-писателя, и всей своей литературной деятельностью доказывает, что он высоко пронес это знамя русского журналиста.

Теперь обратимся к участию Горького в нижегородской периодической печати (1893—1902 г.) и напомним главные вехи его деятельности. Горький начал печататься в нижегородской газете «Волгарь» с 1893 года, где поместил ряд своих рассказов, как «Дед Архип и Леня», «Маленькие истории» («Нищенка», «Сон Коли», «Убежал») и «Горемыка Павел». Но участие в «Волгаре» было непродолжительным — до половины 1894 г. Затем он участвует в 1895 и начале 1896 г. в «Самарской газете», а с половины мая 1896 г. опять переезжает в Нижний и становится постоянным сотрудником «Нижегородского Листка», газеты, издававшейся в 90 годы единомышленниками короленьковского кружка. С. И. Мицкевич, в воспоминаниях о 90-х годах в Н. Новгороде («На грани двух эпох»), справедливо замечает, что «Ниж. Листок» одно время был одной из лучших провинциальных газет.

В условиях провинциальной жизни тогдашний писатель должен был часто откладывать свое перо художника-беллетриста, и браться за перо публициста, критика, фельетониста. Так было с Вл. Г. Короленко, так случилось и с М. Горьким. В «Ниж. Листке» он помещает много очерков, рассказов, набросков и этюдов, но пишет и фелье-

тоны на злобу дня, подписывая часто М. Г.—ий или И. Хл. (т. е. Иегудил Хламида). Особенно активно участвует в выставочный 1896 год. Здесь с мая месяца и до конца года он помещает свыше 60 фельетонов и рассказов, написанных на разные темы. Такая напряженная работа сильно подорвала его здоровье, и в январе 1897 году ему пришлось ехать лечиться в Крым. Следующие годы не отличались такой производительностью, но все-таки имя Горького частенько мелькает на страницах «Ниж. Листка», то под заметкой «На бесплатном катке», то под критической статьёй по поводу комедии Ростана, то под рассказом «Сирота» или под аллегорией «Пред лицом жизни».

Просматривая критические и публицистические заметки Горького, убеждаешься, что его фельетоны имеют характерную особенность, чем и отличаются от фельетонов Ежова. У последнего, как мы видели, были все необходимые качества журналиста, кроме мысли, убеждений. А у Горького и то и другое пронизывают, дополняют друг друга, отчего его фельетоны волнуют, будят мысль, «доставляют удовольствие и отраду».

И сами темы, и подход к ним, и форма их—все носит печать талантливой личности, крупного художника слова, яркого публициста. В то же время всюду—Горький является выразителем настроений и дум нового читателя, шедшего из трудовых классов рабочих и крестьян. В своем произведении «Писатель, который зазвучал»,—не пропущенном цензурой и не

1920 год.—Петроград.

вошедшем в полное собрание сочинений, Горький очень резко отмежевывается от всяких пыльников, уподобников, слабовольных и умеренных представителей так называемого прогрессивного общества, в им он бросил свои бичующие слова. Интересно, что данное произведение, как раз, М. Горький прочел в ответ на приветствия, которые раздавались на банкете, устроенном 6 ноября 1901 г. по случаю его отъезда в Крым в связи с только что перенесенным арестом. «Я утверждаю», говорит писатель: «все подлое и отвратительное, что бросается в глаза на каждом шагу—живо, сильно и так ярко цветет всюду вокруг нас потому только, что опирается на твердую почву—на ваш страх за свои шкуры, на ваши холопские чувства. В позоре жизни виноваты вы все одинаково, и если бы я верил в силу проклятья, я бы проклял вас. Но я верю в нечто другое. Скоро придут иные люди, люди смелые, честные, сильные. Скоро!..» Вот на всех фельетонах Горького и лежит печать этого бодрого чувства, радостного жизнеощущения, горячего желания, чтобы «каждый из людей был человеком», смелым творцом жизни, бесстрашным искателем истины.

Взять хотя бы фельетоны на злобу дня, его «Беглые заметки» 1896 года. Все они касаются тех или других сторон нашей действительности, часто печальных, как, например, положение бедной детворы или босяков, или эксплуатации труда стариков и детей фи-

лантропическими учреждениями, или показная сторона нефтяных Нобелевских трестов, но не забываются и радостные картины, как «Елка» для детей или «Выставочный павильон гор. Москвы». И все они пронизываются излюбленными горьковскими мыслями. Вот его статья по поводу грубых, деморализующих вкусы посетителей «цирковых развлечений» (1896 г. № 201). Она заканчивается характерными мыслями: «Разумных развлечений, поучающих, воспитывающих ум и душу, нет. А они могли бы быть. На них нет спроса и их не предлагают, а народной аудиторией служит цирк, развивающий в публике туподушие и черствость—качества, совершенно не требующие развития в виду их полной законченности».

Или же взять его критические статьи о Чехове, Брюсове, Врубеле, Гауптмане и др. Опять здесь слышится горьковское оптимистическое мироощущение и социологический подход к искусству. Пишет ли статью о Чехове, он старается отметить самое важное в Чехове, что «каждый новый рассказ Чехова все усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту—ноту бодрости и любви к жизни». Пишет ли восторженную статью по поводу предстоящей постановки в нижегород. театре пьесы Гауптмана «Перед восходом солнца» (1901 г.), он отмечает, что «Гауптману на этот раз удалось написать удивительно яркую картину». И яркую не только по форме, но и по содержанию. Она была близка Горькому и отвечала запросам нового читателя. Лозунг героя этой пьесы—соц.-дем. Лозунг был созвучен Горькому: «Моя борьба—борьба за всеобщее счастье».

Интересными по высказанным мыслям являются его «Беглые заметки» (1896 г. № 271) по поводу художественных отделов на всероссийской выставке. Горький не удовлетворен выставленными картинами. Оказывается, жанровые картины были в большинстве случаев на темы—смерть, болезнь, кладбище и так мало было веселых жанров, вроде «Сельского праздника» Гусева-Оренбургского. И сейчас же автор задается общим вопросом, чем объяснить подобное печальное явление. Горький думает, что и писатели, и живописцы увлечены только голым фактом, берут его, как он есть, не вдумываясь в сложность и многозначительность того или другого факта. Для Горького же «каждый факт это синтез целого ряда посылок, узел, связывающий сотни ниток, квинт-эссенция многих капель сока нервов, крови сердца, слез отчаяния. В каждом факте коренится глубокий жиз-

1922 год.—Германия.

ненный смысл, корни его проросли далеко в прошлое, и в каждом факте есть две, всегда одна и те же типические, всем явлениям одинаково присущие черты—степень сознательного участия человека в творчестве факта и степень влияния созданного факта на душу человека и вообще на его жизнь. И вот в наши дни господа жрецы искусства берут только факт, голый факт и выбирают обыкновенно мелодраматический... Вот чем объясляю себе,—говорит Горький,—развитие в искусстве склонности к мелодраматическому жанру и думаю, что я

не ошибаюсь... Жизнь вообще, а русская жизнь в особенности, не богата красками. Это так, но она и не до такой степени сера и бедна, на какую сводит ее наше современное искусство, в котором так мало красоты и вдохновения и так много претенциозной грубости, выступающей в нем под старым смелым и благородным девизом реализма».

Эта длинная цитата из забытого фельетона лишний раз нам подтверждает, насколько был неудовлетворен Горький голым натурализмом, золализмом и как он мечтал об искусстве, не только показывающем жизнь, но и указывающем, учащем, как надо жить, чтобы быть лучше. Понятно, что участие М. Горького в нижегородской прессе было крупным культурным явлением. Оно оставило глубокий след. Его статьи—фельетоны будировали общественное мнение, заостряя одни вопросы, выдвигая другие на первый план, третьим давая оригинальную постановку. Вот почему на первом же собрании нижегород. профессионального союза писателей и журналистов—28 мая 1917 года—первым делом было решено избрать почетными членами данного союза—М. Горького и Короленко и им были посланы приветственные телеграммы. Избрание их было мотивировано следующим образом: «Нижег. писателям и журналистам выпала редкая честь иметь в

своих рядах двух самых крупных русских писателей—В. Г. Короленко и М. Горького... Оба они, живя в Нижнег., принимали деятельное участие в местной литературной и общественной жизни, неизменно и преданно служа интересам демократии, и оставили после себя лучшие воспоминания. Правление полагает, что первые шаги нижегор. союза писателей и журналистов должны быть связаны с этими дорогами для всей демократической России именами и предлагает открыть занятия первого общего собрания посылкой приветствия В. Короленко и М. Горькому с выражением искреннего восторга и глубокого уважения перед их литературно-публицистической деятельностью и просить их принять звание почетных членов союза, чтобы союз имел право с гордостью заявить: «Они с нами»».

Откликнулся тот же союз и на травлю, которая была поднята Бурцевым, летом 1917 г., позволившим обвинить М. Горького в германском шпионаже, и послал свой протест против подобного рода выступлений: «Общее собрание нижег. союза журналистов и писателей протестует против возмутительной клеветы, возведенной на Горького Бурцевым в № 116 «Утра России». Все эти факты говорят о глубокой связи М. Горького с нижегород. печатью и о той важной роли, которую Горький играл в нижегородский период своей жизни.